

У-ланчжун замялся и никак не мог выдавить ни слова.

Вэнь Ецай скрестил руки на груди, прищурился и с подозрением уставился на него:

— Смотри у меня, не думай, что моего мужа легко обвести вокруг пальца. Если сейчас же не объяснишь по-человечески, велю своим псам проводить тебя до дома.

У-ланчжун тут же заулыбался, замахал руками:

— Да нет же, что вы, я просто... думаю, как бы лучше сказать...

Юй Шанчжи с холодным вниманием наблюдал за его поведением и уже окончательно понял, что тут явно кроется подвох.

Под напором двоих У-ланчжун долго мялся, но в конце концов, с лицом обречённого, выдал правду.

— Эх, да что уж там... Случилось так: как-то в деревне Шуймо одна семья вызвала меня на приём. Приезжаю, а у них молодой паренёк, лицо всё в сыпи. Я, конечно, спросил, есть ли ещё где высыпания, но мне сказали, что больше нигде нет. Ну, я и стал лечить как обычное отравление сыростью. Да только с каждым разом всё хуже становилось, не лучше. И вот в последний раз парень уже весь горел, сознание путается... Я дождался, пока его родные выйдут из комнаты, и тогда потихоньку приподнял ему одежду, посмотреть...

На этих словах У-ланчжун неожиданно запнулся и замолчал, глядя то на Юй Шанчжи, то на Вэнь Ецай. Последний недовольно нахмурился.

— Что ты там замолчал? — резко бросил он. — Живо говори, что ты там увидел, как поднял одежду?

У-ланчжун поперхнулся и подумал, что этот гер действительно прославился своей боевой натурой: прямо при собственном муже не постеснялся поинтересоваться, что там у чужого парня под одеждой.

Однако на этот раз ему даже не пришлось продолжать, Юй Шанчжи уже сам догадался до сути.

— Если я не ошибаюсь, — вдруг произнёс он с холодной уверенностью, — ты, скорее всего, обнаружил, что у него по всему телу, включая интимные места, пошли высыпания, гнойники или что-то подобное, так?

Когда Юй Шанчжи без всякого стеснения произнёс слова «интимные места», Вэнь Ецай

сперва не сразу понял, о чём речь, но как только дошёл смысл, по телу тут же пробежала дрожь, а кожа покрылась мурашками.

У-ланчжун остолбенел и разинул рот как дурак.

— Ты и это угадал?

Юй Шанчжи бросил на него ледяной взгляд.

— Будь дело просто в лице или даже теле, ты не стал бы так суетиться, словно на войну собираешься. Подумать только, тебе предлагают десять лян, а ты не берёшься. Значит, болезнь всего одна - та самая.

У-ланчжун скривился в горькой ухмылке, складки на его лице собрались в комок.

Увидев, что Юй Шанчжи вовсе не собирается уводить Вэнь Ецяя или что-то утаивать от него, У-ланчжун тоже перешёл к откровенному разговору:

— Ты, скорее всего, угадал. Да, тот парень болен... сифилисом.

— Си-сифилисом?! — глаза Вэнь Ецяя чуть из орбит не выскочили. — Так это же...

В шоке он тут же бросил взгляд на Юй Шанчжи, и между ними промелькнул немой обмен: по описанию, что дал У-ланчжун, они и сами уже почти догадались, что больной — это, скорее всего, Тан Вэнь.

Но Тан Вэнь и сифилис?!

У-ланчжун тяжело опустил плечи:

— А что же ещё? Грязная болезнь. Пусть я и не самый искусный врач, но даже я почувствовал, что у парня пульс ослаблен, энергия ян истощена, будто его до самого дна вычерпали, не иначе как гулящие женщины и геры.

Он оборвал фразу, но тут же переменялся в лице и начал жаловаться с видом обиженного:

— Вот такая вот история. Я-то сперва согласился лечить, а теперь вижу — не по силам мне, хотел бы отказаться, чтобы те нашли другого лекаря. Только беда в том, что болезнь постыдная, и та семья боится огласки, не хотят, чтобы дурная слава пошла. Потому и требуют, чтоб я лично нашёл другого надёжного врача. Иначе мне придется вернуть деньги, а потом они позовут людей из клана, чтобы они избили меня!

Юй Шанчжи смотрел на него с недоверием и недоумением:

— Неужели ты ещё не вылечил человека, а уже успел взять оплату да ещё и потратить?

Этот У-ланчжун, похоже, мог бы стать лучшим другом прежнего хозяина тела, оба одинаково безответственные.

— Да у меня сын жениться собрался, — изобразил тот натянутую улыбку, — а без этого остатка на выкуп невесты как раз ни туда ни сюда... Ну ты не беспокойся, я-то всего лишь пять лян потратил, остальные пять ещё в силе!

Юй Шанчжи покачал головой, не в силах подобрать слов к его поведению. Он резко откинул рукава, отвернулся и спокойно сказал:

— Без законного приглашения я не стану вмешиваться. Если та семья действительно хочет, чтобы я пришёл к больному, пусть сами и приходят.

Ясно, как день: У-ланчжун навлек на себя гнев семьи Тан и теперь пытался втянуть в это дело кого-нибудь другого, чтобы разделить с ним ответственность. Пусть даже другим достанется мясо, а ему один только бульон, он и тому рад. Но Юй Шанчжи не собирался лезть в это дело: ни к чему ему впутываться в такой конфликт. Даже если ты лекарь с сердцем, полным сострадания, это не значит, что должен сломя голову нестись лечить каждого, о ком только слышишь.

У-ланчжун, не желая сдаваться, всё продолжал упираться на те самые десять лян, но Юй Шанчжи спокойно ответил:

— У нас в доме жить можно, с голоду не пухнем. Из-за каких-то десяти лян нам уж точно не придётся голодать.

В этот момент Вэнь Ецай кивнул своим псам Давану и Эрвану, и те дружно шагнули вперёд. У-ланчжун сглотнул, понял намёк и, не проронив больше ни слова, пулей умчался прочь.

Юй Шанчжи смотрел, как его силуэт быстро превращается в крошечную точку вдаль, а рядом Вэнь Ецай покачал головой и, усмехнувшись, проговорил:

— И чего только не бывает... Прибежал как ошпаренный только чтобы наговорить всякой чепухи?

Ведь не каждый же кидается на звон монет. Он - может быть, прежний Юй Шанчжи - тем более, но нынешний вовсе не такой.

Тем не менее, Вэнь Ецай всё же выглядел обеспокоенным.

— Сейчас у тебя, после того как ты излечил эпидемию в нашей деревне, уже появилась определённая слава. А если семья Тан и вправду явится, что тогда? Я вовсе не собираюсь мешать тебе лечить, просто эта семья, как и Ваны, с ней лучше не связываться без крайней нужды.

Юй Шанчжи, однако, уверенно покачал головой:

— Если бы я был знахарем из другой деревни, может, они бы и пришли. Но это деревня Селю. Вряд ли Таны придут так просто.

В его голове уже постепенно выстраивалась невидимая нить, соединяющая известные события в единую цепочку. После возвращения из деревни Шуймо Ван Сяоюй заперся дома, вскоре у него случилась ссора с Чан Цзиньянь. Потом прыжок в реку, те укоряющие слова, что вырвались у неё при всех, и главное - пульс Ван Сяоюя, который Юй Шанчжи сам прощупал.

Внутренняя закупорка влажным ядом — по описанию это вполне мог быть сифилис.

Юй Шанчжи тяжело вздохнул, надеясь, что всё-таки ошибается и дела обстоят не так скверно, как он подозревает. Иначе несложно представить, какой переполох это может вызвать, когда правда всплывёт и охватит сразу две деревни.

Прошло несколько дней, но никто из семьи Тан так и не явился за Юй Шанчжи, чтобы позвать его на приём. Вэнь Ецай, немного успокоившись, перестал возвращаться домой с настороженным взглядом, осматривая двор и дорогу.

Тем временем их маленькая лечебница работала вовсю. Пусть семья Тан и не появлялась, но слава о враче из деревни Селю всё больше расходилась по округе. Теперь к ним стали заглядывать не только из деревни Шуймо, но и из дальних мест, таких как деревни Сяогоу и Цзиньянь.

Один из пациентов, среднего возраста, был доставлен к ним на повозке, которую катили родные. С виду всё казалось обычным, но стоило приподнять покрывало с его ног, как лицо Юй Шанчжи сразу посерьёзнело. У пациента обе ноги были распухшими, толстыми как слоновьи, а кожа на них давно потеряла естественный вид, стала грубой, затвердевшей.

Этот симптом называется слоновость, по-простому в деревнях его ещё называют «вздутием» или «опухолью». Заболевание вызывается паразитом, который в современности называют филяриатозной нитью — он распространён в южных районах, но, по идее, в окрестностях Лянси такого быть не должно.

Выяснилось, что этот человек и вправду приехал из южных краёв, переехал сюда по

замужеству.

— В нашей деревне раньше у многих такое было. Когда я вышел замуж и перебрался сюда, у меня этого ещё не было, — пояснил он.

Теперь из-за болезни его ноги почти не держали, ходить он уже не мог. Услышав, что в деревне Селю появился молодой знахарь, берущий за приём немного, а лекарства отпускающий дёшево, он и решился — попросил детей отвезти его попробовать счастья.

— Болезнь эта возникает из-за мелкого червя, — объяснил Юй Шанчжи. — Чтобы дойти до такой стадии, нужно время. Значит, ты заразился ещё до замужества, просто тогда болезнь себя ещё не проявляла.

— Черви?.. — переспросил пациент, и не только он, даже его сын и сноха, стоявшие позади, тут же переменялись в лице.

— Неужели эти твари ползают у меня в теле?.. — голос у него сорвался от ужаса, в интонации прорезался страх.

Юй Шанчжи спокойно, простыми словами объяснил, что такое «паразиты», и что речь идёт не о червях или гусеницах, а о микроскопических существах, что проникают внутрь через укусы насекомых. После чего он с неохотой озвучил правду:

— Ваши ноги, к сожалению, уже слишком долго в таком состоянии. До прежнего вида вряд ли восстановятся. Но если начать лечение, и не бросать его, улучшения точно будут. Только учтите: придётся приезжать ко мне на иглоукалывание раз в семь дней. Если хотите, я могу и сам приезжать, но тогда приём будет стоить дороже.

Семья была из деревни Сяогоу, и Юй Шанчжи не мог безвозмездно разъезжать по округе.

Узнав, что выездной приём обойдётся дороже на десять вэней, сын пациента сразу отозвался:

— Семь дней - не срок. У нас есть повозка, сможем приезжать.

Сноха, судя по виду, тоже не возражала, а сам пациент, не сдержавшись, вытащил старенький платок и вытер краем выступившие слёзы.

Хорошо ещё, что когда-то ему хватило ума распознать достойного человека, он не пожалел родного дома, уехал за мужем, тем самым, что мотался по южным регионам и торговал. Потом у него родились почтительные сын и дочь, сыну жена досталась разумная, хозяйственная. Не будь у него такой семьи, как бы он вообще дожил до сегодняшнего дня в таком состоянии?

— Раз уж пришли, давайте начнём с первого сеанса иглоукалывания, — сказал Юй Шанчжи. — Если вы пришли по чьей-то наводке, то, наверное, слышали, что у меня не все травы в наличии. По этому рецепту несколько позиций придётся купить в аптеке в уездном городе.

Пациента осторожно перенесли в восточную комнату, уложили на койку, а Юй Шанчжи вынул свой чехол с иглами и тут же начал процедуру.

Болезнь, вызванная филяриатозом, передаётся через укусы комаров. В воспоминаниях из прежней жизни Юй Шанчжи помнил, как в ряде южных провинций в разные исторические периоды эта зараза вспыхивала целыми эпидемиями. К счастью, благодаря климату в более северных регионах она не может широко распространяться.

Когда сеанс иглоукалывания подошёл к концу, чернила на рецепте, что лежал на столе, уже окончательно подсохли.

— Забирайте рецепт, — сказал Юй Шанчжи, — он составлен для разжижения застоявшейся крови, размягчения уплотнений, выведения влаги и снятия отёков. Приходите на иглоукалывание каждые несколько дней, заодно буду проверять пульс и следить за состоянием.

Затем он назвал сумму за приём и лекарство, и родные пациента пересчитали медные монеты, после чего по указанию Юй Шанчжи передали их сидевшему сбоку ребёнку.

Роль сборщика денег исполнял теперь Вэнь-санъя - он больше не лежал целыми днями в постели, немощный и вялый, как прежде. Помимо того, что вновь и вновь перечитывал свои зачитанные до дыр книги, теперь он большую часть времени проводил в восточной комнате, помогая Юй Шанчжи.

Санъя аккуратно пересчитал монеты, убедился, что всё верно, а затем достал с полки что-то вроде бухгалтерской книги и внёс туда новую запись - сколько денег получено, как зовут больного и чем он болен. Такой способ учёта Юй Шанчжи ввёл по опыту: чтобы в будущем не возникало проблем с особенно придирчивыми пациентами, которые могут попытаться вывернуть ситуацию в свою пользу. Хорошо, что рядом оказался Вэнь-санъя, умеющий и считать, и писать — иначе одному Юй Шанчжи было бы просто не справиться.

Проводив семью, Вэнь-санъя принёс баночку с деньгами и показал Юй Шанчжи, сколько удалось выручить за день. За приёмы и лекарства вместе набралось около трёхсот вэней.

Юй Шанчжи похвалил мальчика:

— Ты целыми днями помогаешь, брат Юй просто обязан тебя как следует отблагодарить. В следующий раз, когда поеду в уезд, обязательно куплю тебе новую книгу.

Вэнь-санъя радостно обнял Юй Шанчжи и громко, от души выкрикнул:

— Спасибо, брат Юй!

Бумага стоила дорого, и даже одна книга обходилась в несколько сотен вэней, так что раньше он стеснялся просить у брата о таком. Они даже сцепили мизинцы в знак обещания - Юй Шанчжи поклялся, что сам выберет для него что-нибудь стоящее.

К вечеру, когда солнце уже клонится к закату, в деревне обычно начинается приготовление ужина, и в это время, если только нет срочного случая, пациенты больше не приходят.

Вэнь Ецай в тот день повёл Давана в горы проверять ловушки и ещё не вернулся. Юй Шанчжи вместе с Вэнь-санъя вымыли руки и пошли на кухню, чтобы помочь Вэнь-эрню с мытьём и нарезкой овощей - хотели, чтобы, когда Вэнь Ецай вернётся, его уже ждало горячее и вкусное блюдо.

Юй Шанчжи высыпал рис в фарфоровую чашу и, держа её в руках, вышел к большому кувшину во дворе, собираясь налить воды, чтобы промыть крупу. Но в этот момент во двор вновь раздался стук в ворота и громкий голос, выкрикнувший:

— Лекарь Юй! Лекарь Юй!

Юй Шанчжи передал чашу с рисом Вэнь-эрню, которая выбежала на звук, отряхнул мокрые руки и сам пошёл открывать.

Стоило распахнуть ворота, как он увидел перед собой растрёпанную женщину, с рассыпавшимися по плечам волосами. Рядом стоял человек, которого он никак не ожидал увидеть снова - тот самый У-ланчжун, и взгляд его был опущен, словно он боялся поднять глаза.

Юй Шанчжи уже открыл рот, чтобы спросить, что на этот раз устроил У-ланчжун, как вдруг женщина резко бросилась вперёд и мёртвой хваткой вцепилась в его руку. Она выглядела так, будто не спала несколько ночей, глаза налиты кровью, взгляд безумный, внушающий почти первобытный страх.

— Это ты? Ты и есть лекарь Юй? Прошу тебя! Умоляю, спаси моего сына!

Юй Шанчжи попытался отстраниться, вырваться, но пальцы женщины сомкнулись на его руке словно клещи и не думали отпускать. Более того, женщина заговорила с каким-то болезненным упорством, почти навязчиво:

— У-ланчжун сказал, ты - чудо-лекарь, значит, обязательно вылечишь моего сына! Он ещё молод, ему нужно сдавать экзамены и становиться сюцаем, он ни за что не должен погибнуть!

Суммировав всё сказанное, не трудно было догадаться, что перед ним мать Тан Вэня.

Юй Шанчжи бросил на У-ланчжуна взгляд, тот поспешно замахал руками, пытаясь дать понять, что во время прошлого визита он ни словом не обмолвился о том, что ходил к нему. Хотя бы тут у него хватило совести. Юй Шанчжи усмехнулся про себя, но взгляд снова вернулся к женщине.

— Женщина, из какой вы деревни и что именно у вашего сына за недуг?

При этих словах мать Тан резко посмотрела на Юй Шанчжи:

— Да просто обычная сыпь у моего сына! У вас в деревне недавно тоже была какая-то зараза, я думаю, у него то же самое! Если ты смог вылечить других, то и его тоже сможешь!

Юй Шанчжи едва удержался от вздоха, это уже было почти смешно. Всё, что раньше рассказывал У-ланчжун о семье Тан, подтвердилось: они даже не хотели признать сам факт, что речь идёт о сифилисе.

Неудивительно, что У-ланчжун так стремился спихнуть этот «горячий картофель». С такой семьёй, если вдруг Тан Вэнь не поправится, дело будет не только в деньгах, там и до побоев недалеко.

— Женщина, та самая эпидемия, что была у нас в деревне Селю, в основном передавалась детям. Скажите, сколько лет вашему сыну?

Юй Шанчжи старался говорить спокойно и терпеливо, ведь мать Тан Вэня явно была в неуравновешенном состоянии. Если прикинуть, в каком настроении сейчас находятся Вань, становится ясно: один распутный Тан Вэнь способен довести до безумия не одну семью.

— Моему сыну недавно исполнилось двадцать! — выпалила женщина. — Но ты сам сказал — «в основном» детям, а почему, значит, мой сын не мог подхватить? Он ведь бывал в деревне Селю, и ваши дети тоже приходили в деревню Шуймо!

Неужели теперь она намекает, будто эпидемию в Шуймо занесли именно из деревни Селю?

Юй Шанчжи, даже зная, что болезнь Тан Вэня к той эпидемии не имеет никакого отношения, всё равно не мог стерпеть, его лицо мгновенно стало холодным.

— Женщина, — сдержанно начал Юй Шанчжи, — эпидемия в нашей деревне давно миновала, и тогда наш староста сообщил обо всём главам соседних деревень, велел всем следить за состоянием детей. Я тоже сразу поехал бы лечить, если бы кто-то ещё заболел. Теперь уже полмесяца прошло, а вы приходите с такими обвинениями - это способно вызвать ненужные подозрения. Ради репутации деревни Селю мне, возможно, придётся пригласить старосту

лично.

Женщину, по всей видимости, звали Юй Цайся — именно с ней пришёл У-ланчжун. Её визит был последней надеждой, и, услышав слова Юй Шанчжи, она прищурила свои треугольные глаза. Но беспокойство за сына полностью затмило ей рассудок.

— Мне всё равно, — выкрикнула она. — Хочешь, зови своего старосту. Ты — лекарь, знахарь, я тебя только об одном прошу: пойдёшь ли ты со мной к моему сыну или нет?!

С этими словами она засунула руку в карман и вытащила пригоршню серебра.

— Только вылечи моего сына, убери с его лица все следы, не оставь ни единого рубца — и всё это твоё! А когда он с блеском сдаст экзамены, станет чиновником, будет у власти, ты станешь его спасителем! Что захочешь, всё получишь!

Юй Шанчжи слушал и понимал — перед ним женщина, совершенно потерявшая связь с реальностью. Тан Вэнь, который за три года так и не сдал на туншэна, проводящий время в борделях и пирушках, — «с блеском сдаст экзамены и станет чиновником»? Это разве что в следующей жизни, да и то вряд ли.

Он аккуратно отодвинул серебро обратно к Юй Цайся:

— За визит в деревню Шуймо я беру двадцать вэней. Иглоукалывание, вправление костей, лекарства считаются отдельно. Раз уж вы пришли звать меня, подождите немного, я схожу за аптечкой. Но скажу сразу, я всего лишь травник, не бессмертный дух. Есть болезни, которые полностью вылечить невозможно.

В прошлый раз он отказался именно потому, что вмешивался У-ланчжун, и вся ситуация казалась недостойной и запутанной. Но теперь, когда семья сама пришла с просьбой, Юй Шанчжи чувствовал, что обязан поехать. Ведь настоящий лекарь не должен отказывать в помощи тем, кто сам пришёл за лечением.

Юй Цайся уставилась на него, словно на соломинку, за которую ухватился утопающий. Симптомы её сына были позорными, и если о них узнают в уездной школе, его будущей карьере придёт конец, она просто не могла рисковать. В деревнях и без того мало лекарей, а теперь, когда У-ланчжун оказался бесполезен, Юй Цайся могла рассчитывать только на этого молодого знахаря, почти ровесника её сына.

Юй Шанчжи, бросив пару слов Вэнь-эрню и Вэнь-санья, зашёл в дом, закинул на плечо аптечку и вышел.

Он ещё переживал, что его визит в деревню Шуймо может встревожить Вэнь Ецая, но не успел отойти далеко, как судьба сама свела их на деревенской дороге.

— Муж?

Вэнь Ецай шёл, ведя за собой Давана, за спиной у него висел лук и колчан, в руке он нёс окровавленную плетёную корзину, полную дичи.

В деревне всегда боялись двух типов людей - мясников и охотников: оба привычны к крови и оружию, оба не робкого десятка. Юй Цайся с опаской взглянула на Вэнь Ецай и с изумлением поняла, что это и есть супруг молодого лекаря. Такой внушительный, да ещё охотник... Неужели он и есть тот самый Вэнь Ецай, о котором как-то рассказывал Ван Сяюй — «старший брат» из деревни Селю?

Она вдруг ясно поняла: да, всё сходится.

Но стоило ей вспомнить про Ван Сяюя, как лицо Юй Цайся снова омрачилось. Ей уже доводилось бывать в деревне Селю, она знала, где живёт семья Ван, и теперь её взгляд, холодный как лед, скользнул в ту сторону.

— А-Е, я съезжу в деревню Шуймо на приём, — сказал Юй Шанчжи, подходя ближе и обращаясь к Вэнь Ецаю. — Вы с ребятами возвращайтесь домой, готовьте ужин и ешьте без меня, ждать не нужно.

Он незаметно повернулся спиной к Юй Цайся и У-ланчжуну, и, двигая губами, дал понять мужу, что эта женщина — мать Тан Вэня.

Зрачки Вэнь Ецай чуть сузились. Он бросил короткий взгляд на У-ланчжуна, затем поднял корзину с добычей немного выше.

— Подожди, не спеши, — сказал он. — Я сейчас выгоню воловью повозку и отвезу тебя. В такой час, если сам пойдёшь туда-обратно, неизвестно, когда вернёшься.

Спустя некоторое время все трое — Юй Шанчжи, Юй Цайся и У-ланчжун — уже устроились на повозке семьи Вэнь. Вэнь Ецай вёл повозку, крепко сжимая в руке плётку, которую то и дело крутил в пальцах.

Никто не заметил, как у стены, на краю дороги, на миг мелькнула тонкая, неуловимая фигурка. Вэнь Ецай что-то кольнуло, охотничье чутьё подсказало об опасности. Он обернулся... но ничего не увидел.

Когда они добрались до деревни Шуймо, над крышами уже поднимались струйки дыма — деревня готовилась к ужину.

Согласно указаниям Юй Цайся, повозку остановили у дома семьи Тан.

Тан Вэнь был единственным сыном. Его отец третий ребёнок в семье. После смерти стариков, деда и бабушки, братья разъехались, а сёстры вышли замуж, так что в доме теперь жили только трое - сам Тан Вэнь и его родители. Дом у них был добротный, из кирпича, с черепичной крышей, ровно сложенный. Но ещё у ворот явственно чувствовался стойкий запах скотины из заднего двора.

Окинув двор беглым взглядом, Юй Шанчжи заметил, что в переднем дворе инвентарь был раскидан как попало, на одном бамбуковом подносе сушились овощные остатки — уже пересушенные, вялые, но никто их не убирал. Было ясно, что в доме давно не до хозяйства, мысли только об одном.

— Подожди снаружи, — сказал Юй Шанчжи, спускаясь с повозки и обращаясь к Вэнь Ецаю.

Тот сразу понял, что не стоит вмешиваться, и согласно кивнул. Но, даже оставаясь снаружи, он не упустил случая - покрутил в пальцах плётку и метнул в сторону У-ланчжуна предупреждающий взгляд.

У-ланчжун с горечью отметил, как сильно меняется выражение лица Юй Шанчжи, когда тот общается с Вэнь Ецаем и с ним самим. Но ничего не мог поделать, только тихо вздохнул и, не споря, поспешил следом за лекарем в дом Тан.

Комната Тан Вэня выглядела куда утончённее, чем у обычного деревенского крестьянина. У стены стоял аккуратный письменный стол с полным набором для каллиграфии — кисти, тушь, бумага и тушечница. Рядом притулился книжный шкаф, в котором лежали кое-как расставленные около двух десятков книг. Там же стояла небольшая вазочка с двумя увядшими полевыми цветами.

Но Юй Шанчжи сразу заметил: далеко не все книги в этом шкафу были связаны с учёбой или кэцзю. Например, одна называлась «История о красном рукаве», а другая - «Сновидения из ароматной беседки». Ясно одно - Тан Вэнь, эта развратная душа, в полной уверенности, что родители неграмотны, осмелился выставлять подобные скабрёзные книжонки прямо рядом с сочинениями мудрецов.

Пока Юй Шанчжи с У-ланчжуном осматривались, Юй Цайся шепча себе под нос, прошмыгнула в один из углов комнаты, где стоял домашний алтарь, и стала истово молиться, кланяясь в ту сторону раз за разом. А Тан Вэнь, всё ещё бредящий в горячке, лежал на кровати в полубессознательном состоянии - губы его шевелились, но разобрать слова было невозможно.

У-ланчжун, заметив, как Юй Шанчжи со сложным выражением лица осматривает не только самого больного, но и дымящийся благовонный алтарь, наклонился к нему и шепнул:

— Да тут уже не только небу молились, пару дней назад даже шаманку звали душу возвращать.

Он встряхнул своей редкой козлиной бородкой, выражая крайнее пренебрежение. Пусть он и

не великий лекарь, но с этими фокусами и мракобесием всегда был на ножах. Если бы ведьма с плясками могла кого-то вылечить, на кой тогда нужны мы, врачи?

Юй Шанчжи только холодно бросил:

— Отойди немного, не загораживай свет.

У-ланчжун тут же послушно отступил в сторону, ничуть не обидевшись на резкий тон — наоборот, воспринимал это как должное. Он давно привык подчиняться тем, у кого кулак крепче, и теперь знал: в этом деле «кулак» у Юй Шанчжи явно оказался весомее. Хотя кулак у Юй Шанчжи, может, и не такой уж крепкий, зато его супруг - человек, с которым лучше не шутить.

Юй Шанчжи приподнял подол своей одежды, сел у кровати Тан Вэня и стал внимательно осматривать больного. Сейчас лицо у Тан Вэня стало совершенно неприглядным — сыпь сплошной массой ползла вверх по шее, скрываясь под воротом. Юй Шанчжи нахмурился, затем спокойно откинул одеяло и приподнял одежду.

То, что открылось взгляду, оказалось по-настоящему шокирующим: даже У-ланчжун, который вроде бы видел это уже раньше, отвёл глаза - слишком уж неприятное зрелище. Он сморщился и отмахнулся рукой от тяжёлого запаха, будто надеясь разогнать смрад.

Судя по всему, семья Тан считала, что Тан Вэнь в таком состоянии и дома не должен никому попадаться на глаза, потому и укрывали его плотным одеялом с головой. Там уже начинало буквально преть.

Юй Цайся как раз закончила молиться у домашнего алтаря, повернулась и тут же увидела, как с её сына снята нижняя одежда.

- Что ты делаешь?! — закричала она, налетела на Юй Шанчжи и резко толкнула его прочь.

Юй Шанчжи не ожидал удара и, потеряв равновесие, боком врезался в небольшой деревянный столик. Боль пронзила его, дыхание сбилось, он схватился за бок и несколько секунд только тяжело дышал, прежде чем смог выровняться.

Гнев ударил в голову огненной волной.

— Вы спрашиваете, что я делаю? Я врач! И, как положено, провожу осмотр! Если вы не собираетесь сотрудничать, лечить его и не стоит вовсе! — голос его резко повысился, и если в спокойствии он говорил мягко, как весенний ветер, то теперь голос звенел, будто сталкивались металлы.

Юй Цайся уже с яростью натянула одеяло обратно:

— Что это ещё за осмотр — снимать одежду, разрывать простыни? У моего сына жар, если он простудится, что тогда?!

— Простите, кто тут врач — вы или я?! — холодно парировал Юй Шанчжжи.

На деле состояние Тан Вэня оказалось куда более тяжёлым, чем он ожидал. Развитие сифилиса, особенно на такой стадии, не должно было происходить столь стремительно.

Он бросил молчаливый взгляд на У-ланчжуна — неужели это последствия неверного лечения? И, может, именно этот некомпетентный шарлатан всё усугубил?

У-ланчжун в это время стоял поодаль, опустив глаза, будто и вовсе был ни при чём, словно наблюдал за происходящим сквозь стену.

Юй Шанчжжи глубоко вдохнул, шагнул вперёд и без лишних церемоний оттащил Юй Цайся в сторону. Хотя она была деревенской женщиной, а он всего лишь молодой лекарь, но он был всё же мужчиной и намного выше её ростом, силы у него хватило. Отодвинув её, он вновь уселся у кровати, взял Тан Вэню за запястье и сосредоточенно прощупал пульс.

Спустя несколько мгновений Юй Шанчжжи поднял глаза, лицо было бесстрастным, но взгляд холоден, как лёд.

— У меня для вас две новости, — произнёс он, — Во-первых: ваш сын болен не какой-то там сыпью. У него сифилис. Во-вторых: болезнь пока ещё поддаётся лечению, но если и дальше продолжать тянуть, через год-другой он может ослепнуть, потерять способность ходить и в конечном итоге погибнуть.

Он отпустил запястье Тан Вэня, поднялся и посмотрел на мать прямо.

— Если вы и дальше будете прятаться от правды и отказываться признать, что ваш сын заразился подобной болезнью, тогда, извините, я ничем помочь не смогу.

Сказав это, Юй Шанчжжи достал платок, вытер руки, закинул за спину ящик с лекарствами и, не оглядываясь, пошёл к выходу, явно намереваясь уйти, не вступая в дальнейшие препирательства.

— Эй! Юй-ланчжун! Пойдите, Юй-ланчжун! — опешил У-ланчжун. Он и представить не мог, что тот может вот так без колебаний, в гневе, просто уйти.

Он тут же повернулся к Юй Цайся:

— Сестра, не глупи! Говорю тебе, этот паренёк хоть и молодой, но толк в деле знает! Если его

сейчас упустишь — тогда тебе либо в уездную больницу идти, где сдерут три шкуры, либо... просто ждать конца!

Ни один из этих вариантов Юй Цайся не могла принять. И как назло именно в этот момент Тан Вэнь пришёл в себя. Он поднял руку, на которой не осталось живого места, и наощупь потянулся вперёд, будто ища что-то в пустоте.

— А-Вэнь! Сынок, мама здесь! — воскликнула Юй Цайся и со слезами кинулась к нему, схватив за руку.

Юй-ланчжун тут только заметил, что глаза у Тан Вэня налиты кровью, красные, как у быка. Похоже, инфекция уже перекинулась и на органы зрения. Он вспомнил, как в молодости, во время учёбы у своего наставника, видел старика, страдавшего от запущенного сифилиса: тот ослеп, глазницы у него провалились, лицо обвисло, а сам он, почти потеряв человеческий облик, гнил заживо на рваной соломенной подстилке.

— Ма... лекарь уже пришёл?.. Моё это... ещё можно вылечить?.. — прохрипел Тан Вэнь.

Он почти не видел, взор его затуманился, контуры расплывались. Но он прекрасно знал, что с ним происходит. Ещё тогда, когда впервые появились высыпания внизу, он понял — дело скверное. Но испугался, стыдился, тянул, боялся идти к врачу. А теперь, когда боль и жар сожрали последние силы, ему казалось, что смерть уже стоит рядом, протягивая руку. Он испугался по-настоящему. Теперь его не заботили ни стыд, ни позор, ни слухи, он только хотел выжить, чтобы кто-нибудь, хоть кто-нибудь, его спас.

— Здесь, здесь! Всё можно вылечить! Мой мальчик поправится, непременно поправится! — Юй Цайся обняла сына и плакала навзрыд.

В её душе что-то лопнуло, тонкая, грязная завеса стыда, которой она до сих пор пыталась прикрыть правду, была сорвана окончательно. Глядя на единственного сына, измождённого и обезображенного, она наконец поняла: выбора больше нет.

Не колеблясь, она развернулась и бросилась прочь из комнаты.

Во дворе Юй Шанчжи только что передал свой ящик с лекарствами Вэнь Ецаю, они уже собирались сесть в повозку и уехать.

Сзади раздался глухой удар - Юй Цайся, выбегая за ними, споткнулась о порог и упала. Шум всполошил обоих, Юй Шанчжи и Вэнь Ецай обернулись одновременно.

Юй Цайся, опираясь на больное колено, кое-как поднялась с земли, заливаясь слезами:

— Лекарь Юй... Я всё поняла. Прошу, помогите моему сыну. Мне ничего больше не надо —

только, пожалуйста, спасите ему жизнь...

Взгляд Юй Шанчжи сперва был отстранённым, почти равнодушным, но если всмотреться внимательнее, в глубине его глаз переливалось сразу несколько чувств. В конце концов он тяжело вздохнул и протянул руку, снова забрав у Вэнь Ечая ящик с лекарствами.

Они вернулись в дом. Тан Вэнь уже пришёл в себя и мог ясно разговаривать. Юй Шанчжи, заметив его покрасневшие глаза, подошёл ближе, внимательно осмотрел, и лицо его заметно потяжелело.

На самом деле, сифилис не приговор. Это не неизлечимая болезнь. Но зачастую больные, стесняясь и пряча свой недуг, упускают самое ценное - время. Когда болезнь только начинается, её легко взять под контроль. Но когда начинают страдать глаза, нервы и мозг, обратного пути уже почти нет.

На текущем этапе, если говорить с позиции современной медицины, у Тан Вэня вторая стадия сифилиса. От заражения до первых симптомов обычно проходит около двух недель, а от начала болезни до состояния, в котором он находится сейчас, требуется два-три месяца, а порой и больше.

Это значит, что с момента заражения прошло как минимум четыре месяца.

— Я выпишу тебе рецепт на внутренние препараты и дам мазь для наружного применения, — сказал Юй Шанчжи. — Обязательно пользуйся всем строго и регулярно. Мазь у меня с собой, а травы по рецепту придётся купить в аптеке в уездном городе.

Когда он произнёс последнее, и увидел, как лицо Юй Цайся слегка изменилось, явно она сомневалась, смогут ли они поехать в город, Юй Шанчжи даже не успел ничего добавить: Уланчжун тут же вставил своё:

— Если не получится съездить в город, у меня в запасах есть нужные травы. Я сам всё соберу и принесу.

Юй Шанчжи бросил на него косой взгляд - ясно, этот тип, поняв, что за приём ему не светит, теперь решил заработать хотя бы на лекарствах. Но Юй Шанчжи не стал его осаживать. Молча открыл ящик, достал баночку с мазью.

— Это «Шэнцзи сань» — средство для восстановления тканей. Мазать на повреждённые участки.

Юй Цайся с осторожностью приняла баночку. Следом Юй Шанчжи выписал рецепт. Разумеется, семья Тан не собиралась ехать в уезд, поэтому рецепт тут же перекочевал к Уланчжуну.

Он опустил глаза, внимательно разглядывая иероглифы на листке, а потом ещё раз посмотрел на Юй Шанчжи. Где же этот парень так выучился врачеванию? Даже почерк у него нечто особенное...

Осмотр был завершён, и Юй Шанчжи пообещал вернуться через несколько дней. Юй Цайся поспешно протянула деньги за приём - двадцать вэней за визит, плюс ещё стоимость мази «Шэнцзи сань».

Юй Шанчжи пересчитал всё, убедился, что сумма верна, убрал монеты в кошель, а затем ополоснул руки в тазу с водой. После чего попрощался с Юй Цайся и У-ланчжуном, вскочил в повозку и вместе с Вэнь Ецаем отправился обратно.

К этому времени небо над головой уже начинало темнеть, но на обширном поле по краю дороги, где росли рапсовые цветы, всё ещё можно было увидеть согнутые спины крестьян, продолжавших работу.

Юй Шанчжи сидел на краю повозки и рассказывал мужу о болезни Тан Вэня, обрисовав всю картину. Когда он дошёл до того, каким именно образом человек может заразиться сифилисом, Вэнь Ецай внезапно резко повернулся и пристально посмотрел на него.

Юй Шанчжи не удержался от вопроса:

— Что случилось?

Вэнь Ецай помолчал, потом всё же произнёс сдержанно:

— Если всё так, как ты говоришь, тогда и Ван Сяюй, выходит, тоже не избежал...

Юй Шанчжи тоже подспудно об этом думал, но у него не было подтверждений.

— Но они ведь не были женаты, только обручены. Неужели между ними уже что-то было?

Вэнь Ецай покачал головой:

— Ты что, думаешь, все такие как ты? Пускай по правилам это и считается великим позором, если узнают - вся семья будет опозорена. Но ведь кто-то всё же решается... В деревне же не зря поговаривают, будто Ван Сяюй сделал что-то «недостойное» по отношению к Тан Вэню. А я думаю наоборот: это Тан Вэнь был неправ. Подумай сам, если бы не было замешано что-то, связанное с честью и добрым именем, Чан Цзиньянь не стала бы так беситься, запирает сына дома. И он бы не полез в реку, чтобы покончить с собой.

Эти вещи многим в деревне уже стали понятны. Только обсуждают их за закрытыми дверями,

по-тихому.

Вэнь Ецай раздражённо наматывал плётку на руку, виток за витком.

— Такое странное чувство... Раньше, когда он ругал меня или семью, я злость сдерживать не мог, до зубовного скрежета. А теперь, когда слышу, что он вот так пострадал, вроде бы и должен сказать: «по заслугам». А не выходит.

Юй Шанчжи подался вперёд и осторожно прислонился головой к плечу своего супруга.

— Потому что даже если он и заслужил наказание... то уж точно не настолько. Ты знаешь, что сифилис может передаваться плоду? То есть, если бы у них с Тан Вэнем появился ребёнок, он бы уже с рождения был заражён.

У Вэнь Ецай чуть плётка из рук не вылетела.

— Вот это да... Насколько страшно? Это же, получается, дети расплачиваются за грехи родителей!

Он с досадой сплюнул через плечо:

— Да он, этот Тан Вэнь, и правда мразь. И это называется «ученый человек»? Да он все книги свои, видно, собаке скормил!

Юй Шанчжи в душе только горько усмехнулся: смотря какие книги он читал... Судя по всему, все его представления о жизни и чувствах рождались скорее из дешёвых любовных книжонок, вот он и насмотрелся на «приключения».

Повозка ехала дальше, и оба уже начинали ощущать, как в животе урчит от голода.

— Эх, знал бы, взял бы с собой два баоцзы, когда за повозкой шёл, — проворчал Вэнь Ецай.

— Потерпи ещё чуть-чуть. Скоро дома будем, поедем нормально. Постоянно холодными булками желудок портить тоже ни к чему, — спокойно ответил Юй Шанчжи.

До деревни оставалось уже совсем немного, и дорога впереди стала ровной и мягкой.

Юй Шанчжи за последние дни уже не раз ездил с Вэнь Ецаем в повозке, но всё это были короткие выезды рядом с домом. На этот раз ему захотелось попробовать самому, он обернулся к мужу:

— Дай-ка я попробую погонять. А ты присядь, отдохни немного.

Вэнь Ецай передал ему плётку, всё ещё тёплую от своей ладони:

— Ну, давай. Этот участок дороги хороший, даже если немного занесёт, в канаву не улетишь.

Тем более тут и канав-то нет по бокам.

Юй Шанчжи сразу понял, что тот его слегка поддевает, вспоминая, как в прошлый раз, на домашней тренировке, он так сбил с толку вола, что тот чуть ли не на месте кружился, не зная, куда идти.

Поменявшись местами, Юй Шанчжи с улыбкой покачал головой:

— Вот не пойму, почему у тебя вол как шёлковый, послушный, а стоит мне взять плётку, так будто перед ним десять призраков нарисовалось.

Вэнь Ецай, обняв за талию Юй Шанчжи, с усмешкой сказал:

— А это потому, что он тебя не боится. Не смотри, что вол кажется кротким, он тоже знает, кто с ним по-настоящему управляется. Вот я как гаркну, да плёткой щёлкну - он сразу понимает, что пора напрячься и тащить всерьёз. А ты... ты ж и плёткой по-настоящему ударить боишься.

Но до деревни оставалось совсем чуть-чуть, и даже с неспешным управлением Юй Шанчжи они добрались быстро. Во дворах ужин у большинства уже закончился. Селяне по три-четыре человека собрались в тени кривого ивы у ворот, болтали о деревенских новостях.

Увидели, как Юй Шанчжи с Вэнь Ецаем возвращаются, сидят рядышком, улыбаются, как молодожёны после прогулки — весёлые, довольные.

— Эй, лекарь Юй, Цай-гер, откуда возвращаетесь?

— В соседнюю деревню ездили на приём. Хоть и поторопились, всё равно припозднились, — отозвался Юй Шанчжи.

Старая женщина кивнула:

— Оно и видно, поздновато. Ещё не ели, да? Бегом домой! Я сегодня видела, как ваша Эрню в рисовом поле ловила гольцов, такие жирные, аромат будет на всю улицу!

Старушка причмокнула беззубым ртом, словно вспоминая вкус тех самых гольцов.

Повозка проехала мимо, а Вэнь Ецай, улыбаясь, покачал головой:

— Ну точно, эта девчонка опять вся в грязи. А я ещё удивился, чего это она сегодня в другой одежде, не в той, что утром была?

Юй Шанчжи и не заметил раньше, видимо, когда Вэнь-эрню вернулась с уловом, он как раз был занят в восточной комнате.

После того как проехали мимо деревенского центра, на дороге стало совсем пусто, людей уже почти не было видно. Но стоило им немного отъехать от окраины, как вдруг раздался резкий звук и что-то тяжёлое ударилось о колесо повозки.

— Чей это невоспитанный ребёнок? — нахмурился Вэнь Ецай и сразу обернулся, глядя в сторону, откуда прилетел камень.

Не успели опомниться, как в сторону повозки полетел второй камень — на этот раз он не попал, а пролетел мимо. А следом за ним третий, четвёртый...

Несколько камней, лежащих почти по прямой, будто выстроились в след. Юй Шанчжи, вглядываясь, задумчиво произнёс:

— А мне вот кажется, это не шалость, а кто-то нарочно нас зовёт.

Но в деревне ведь нет никого, кто бы стал так таинственно устраивать «ловушки».

Они привязали повозку и пошли по узкой деревенской тропке, которая тянулась в сторону леса. Шли осторожно, шаг за шагом, пока не вышли к зарослям. Вэнь Ецай на всякий случай вытащил из-за пояса нож, но вскоре стало ясно, кто их сюда позвал.

Это был Ван Сяюй.

Хотя, по слухам, Чан Цзиньянь в последнее время запирала его дома и следила как за заключённым, тот, похоже, каким-то образом сумел сбежать.

— Ты? — изумлённо спросил Вэнь Ецай, сразу убирая нож обратно, но рука его так и осталась на рукояти - на всякий случай. Кто знает, чего ждать теперь от этой полубезумной парочки.

Юй Шанчжи сразу заметил - за каких-то несколько дней Ван Сяюй заметно исхудал. Даже если серьёзной болезни у него ещё нет, одно было ясно: всю его энергию и живость как ветром сдуло.

Ван Сяюй не подошёл ближе. Он остановился в нескольких шагах от них, не глядя на Вэнь Ецая, взгляд его был направлен только на Юй Шанчжи. А потом — бах! — он рухнул на колени. Не дожидаясь ни их слов, ни реакции, он трижды с силой ударился лбом об землю.

— Это за то, что ты, лекарь Юй, спас мне жизнь.

Но на этом он не остановился. Поднявшись, он вдруг начал бить себя по лицу — резкие, звонкие пощёчины с обеих сторон, до красных пятен на бледной, желтоватой коже.

— Вэнь Ецай... я раньше слишком многое сделал неправильно. Прости меня. Хотя... можешь и не прощать.

Всё это происходило так стремительно и неожиданно, что Юй Шанчжи и Вэнь Ецай просто остолбенели.

Юй Шанчжи даже невольно сжал ладонь супруга и шагнул вперёд, немного заслоняя его собой.

— Ван Сяюй, — произнёс он, — зачем ты нас сюда позвал? Говори прямо.

Лицо у Ван Сяюя всё ещё пылало от ударов, но в его потухшем взгляде вдруг промелькнула точка - цель, к которой он стремился.

— Я видел сегодня, как мать Тан Вэня пришла к тебе. Она просила, чтобы ты пошёл лечить Тан Вэня, так? — голос его дрогнул. — Я хочу знать, чем он болен. Только это. Больше ничего.

<http://bllate.org/book/13600/1205960>